

Виктория Ленц

Худшая академия магии:

следствие ведут неудачники!

Виктория Ленц

Худшая академия магии: следствие ведут неудачники!

<https://litres.ru/74506934>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что может быть хуже, чем быть неудачницей даже в худшей академии магии во всей Империи? Учиться в академии, где таинственный убийца поодиночке истребляет студентов!

– Хуже?

Минна и все студенты заперты на острове и отделены от континента непроходимым болотом, которое некогда было морем, но пришло в упадок, как и всё в академии Мерсхафен.

– Ещё хуже?

Минна познакомилась с парнем, который решил, что она — его судьба, и теперь преследует её.

– Совсем плохо?

Минна случайно подружилась с сиротой-первокурсницей, любительницей детективов, которая возомнила себя главной героиней этого романа и решила непременно выследить убийцу.

Минна Эрцшлаг решительно отказывается во всём этом участвовать! К сожалению, её никто не спросил

! Дилогия: книги связаны главными героями, расследования разные.

Содержание

Глава 1: Напарник	5
Глава 2: Тело номер два	14
Кар	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Виктория Ленц

Худшая академия магии: следствие ведут неудачники!

Глава 1: Напарник

– ... так, а напарником Вильгельмины Эрцшлаг у нас будет, – Барбара Гротте была наставником нашего курса.

Наверное, учись я в нормальной академии, Барбара была бы деканом, но в академии Мерсхафен был всего один факультет. На нём учились все поступающие, поэтому не было деканов, были *наставники*, которых назначали из небольшого числа преподавателей академии, и они отвечали за весь курс.

Насколько я знала, у них была договорённость: в каком году, согласно составленному списку, преподаватель забирал себе первокурсников. Дальше он вёл их все последующие пять лет обучения. В жизни мне не повезло во многом, но хотя бы Барбара была нормальной. Строгая, но очень внимательная, ответственная, она часто ругалась и приструнивала студентов, зато при ней на курсе был идеальный порядок.

В остальном мне не повезло. Ещё эта дурацкая лабораторная работа третьего курса! Неужели нельзя было сделать задание самой? Я была готова работать и за себя, и за своего напарника, только чтобы мне его не давали. Как-то два курса мы проучились, работая в одиночку, так почему на алхимии, которую преподавала Барбара, на третьем курсе нужно было не просто давать парные задания, а такое, чтобы оно длилось целые полгода? То есть с кем бы меня сейчас ни поставили в пару, мне придётся терпеть его ещё полгода.

Так вот, как я уже упомянула, магическая академия Мерсхафен не была нормальной школой магии. Это была худшая академия, то место, куда попадали те, кто не смог никуда поступить. Когда у ребёнка не хватало ни знаний, ни таланта, чтобы поступить в столичный вуз, его всё равно могли взять в провинции. В Империи было несколько сильных академий. Конечно, они все не сравнились бы с тремя столичными, но набор в них тоже шёл по конкурсу. В столичных академиях количество мест на курсе всегда было ограничено, они были местом магической элиты. Местом обучения по-настоящему талантливых, сильных магов. В отличие от них, в провинциальные академии набирали всех, кто хотел и кто мог сдать экзамен. Так уж вышло, что я завалила все проходные экзамены, и место для таких детей было только одно. В магической академии Мерсхафен, самой худшей магической академии Империи.

В том, что ты попал в академию Мерсхафен, уже была

определённая трагедия. Что могло быть хуже, чем учиться в худшей академии Империи? Быть среди худших на курсе в худшей академии Империи! Например, как я. Поэтому я была уверена, что никто не захочет работать со мной в паре.

Барбара только собиралась объявить лабораторную работу, о которой мы знали заранее, когда некоторые уже сели по парам. Кто-то изначально вошёл в аудиторию вместе, кто-то сейчас сел поближе друг к другу, а вокруг меня никого не осталось, это было ожидаемо.

Я уже несколько месяцев ненавидела этот день, мрачно его ожидая. Разве что было немного обидно от размаха, потому что все не просто держались от меня подальше, чтобы Барбара не назначила их мне в пару, они буквально были на другой половине аудитории, хотя я была уверена: когда пара началась, несколько рядов за мной парты были заняты.

– Отлично, Урс Хаферштилль, – обрадовалась Барбара.

Ну и кто не успел убежать? Я скептически подняла одну бровь и вдруг поняла, что за моей спиной кто-то стоял.

Я обернулась, парень держал поднятую руку и широко улыбался.

– Ты идиот? – спросила я.

Я – Эрцшлаг, конечно, но все уже убедились, что в моём случае это ничего не значило. Где он был последние два курса? И первую половину третьего курса!

На первом курсе, когда нам всем было по восемнадцать — девятнадцать лет, некоторые ещё сомневались, что я про-

сто была поздним талантом и поэтому угодила в академию Мерсхафен. На втором курсе верившие, что во мне всё-таки проснётся невообразимая магия, разочаровались окончательно. К началу третьего, полгода назад, в меня больше никто не верил. Оказывается, кроме этого чудика, который только что обрёл себя на полгода работы с неудачницей, дочерью невероятной и непостижимой звёздной и великой Фредерики Эрцшлаг, баронессы фон Штернгебитер!

В этом и заключалась моя главная трагедия. Не было столь постыдно учиться в худшей академии магии Империи или даже быть худшей на курсе, как если твоя мать была сильнейшим придворным магом. Моя бабушка и тётка были выдающимися магами, но у нас никогда не было дворянского титула. Мы с севера, в родных краях в нашей семье давно было известно, что наша семья произвела на свет не одно поколение сильных магов. Но до столицы – Кессельталь – прогремела слава именно моей матери. Она была удивительной, великолепной, неподражаемой... и так далее. На её талант обратил внимание сам Император, он и пожаловал ей титул баронессы, сделал главным придворным магом. Её знала вся столица. Больше власти, чем у моей матери, было только у главного советника Императора и, разумеется, самого Императора.

В отличие от потомственных дворян Империи, титул достался только моей матери, но, судя по всему, Император собирался издать указ, по которому его любимица могла бы

передать и титул, и земли по наследству.

Я родилась в восьмой день восьмого месяца, двадцать один год назад. Число восемь считалось в Империи несчастливым, но тогда на это никто не обратил должного внимания. Восьмой, сотворённый Богиней, бог ветра и шторма начал против неё войну. В сто шестьдесят восьмом году до Империи треть населения страны выкосила неизвестная ранее болезнь. В восьмом году трагически скончался Первый Император, Раймунд Великолепный, как-то неудачно споткнувшись на лестнице, пролетев вниз этаж и вывалившись в открытое окно... Список можно было продолжать долго. Родилась я хотя бы в 70-ом году, на том Богине спасибо.

Когда я поступила в академию Мерсхафен и ректор академии, почтенный Герман Клостерштауб, увидел фамилию моей звёздной матери, он, должно быть, решил, что мы однофамильцы или очень дальние родственники.

К его удивлению и полнейшему шоку всего состава преподавателей на вступительной церемонии появилась я — не точная копия, но очень похожая на свою мать девушка. Мы с севера Империи, нас всех отличала смуглая кожа с красноватым оттенком. Согласно легенде, наш край и всех его обитателей Богиня высекла из камня. В нашем регионе как раз располагались самые высокие в Империи горы, здесь же добывали больше всего полезных ископаемых. Почти у всех северян были тёмно-синие или чёрные волосы.

Среди моих родственников было много споров, так как

конкретно у нашей семьи оказались эти тёмно-фиолетовые волосы, которые пока что не удалось встретить у кого-то ещё. По-моему, всё было просто: какая-нибудь прабабка наложила сильную родовую магию, но ни тёте, ни моему двоюродному брату Зигберту, которого мы звали Бертом, Эрцшлагоу это объяснение категорически не нравилось. Они спорили о благословении, о магическом даре, мать никогда не участвовала в разговорах, а бабушка посмеивалась, качала головой.

В общем, не столь важно, откуда у нас эти тёмно-фиолетовые волосы, как то, что они были только у нашей семьи. Поэтому сомнений, чья я дочь, ни у кого не возникло, когда они увидели меня: девушку с фиолетовыми волосами и точно такими же карими глазами, как у моей матери.

Я обернулась, повнимательнее рассматривая этого чудика. Так как в академию Мерсхафен попадали только неудачники, на каждом курсе было разное количество студентов. Сколько подало документы — столько и поступило, столько и училось. Так как надежд на каждого возлагали мало, я не слышала, что отсюда вообще кого-то отчислили. По крайней мере, в ближайшие годы.

Так вот, я помнила, что конкретно на моём курсе нас было тридцать восемь. Плохо, в Империи несчастливым считалось любое число, имевшее в себе восьмёрку. Очередное неудачное совпадение. Я с самого начала не пыталась ни с кем познакомиться. На первом курсе меня окружала толпа, они назы-

вали свои имена, вечно твердили, что я стану таким же великим магом, как моя мать, что у меня просто ещё не проявился дар... Обычно это случалось лет в семнадцать, может, восемнадцать, но были зафиксированы случаи, когда дар просыпался и в двадцать лет. Вот они и верили в то, что у моей звёздной матери просто не могла родиться дочь-неудачница. Все хотели дружить со мной. Я не запоминала их, но этого парня среди них не было. Откуда взялся только на мою голову?!

Первое время я немного дружила с Надьей, которую узнала ещё до академии. Но со временем все поняли, что дружба со мной — бесполезное вложение сил, и даже она стала общаться со мной всё реже. Откуда же он взялся, что к середине третьего курса не знал, что я не просто слабая, я ещё и невезучая?!

Хотя. Барбара назвала нашу пару едва ли не самой последней и уже продолжала объяснять правила задания, что нам нужно будет сделать, какие опыты провести, как всё оформить, когда сдавать. Я слушала, записывала, но не могла сказать, что по-настоящему слышала. Я всё равно не запомню, даже не пыталась. Я записывала за ней каждое слово и тут же выбрасывала их из головы.

Хотя, хотя, хотя... У этого, как она его назвала, Урса? — Урс сел рядом со мной, он довольно улыбался и слишком воодушевлённо строчил в своей тетради. — У него были зелёные волосы. То есть это был тот самый чудак, который

случайно перекрасил свои волосы ещё на второй паре алхимии в этом году, половину учебного года назад. Барбара посмеялась, потому что, чтобы получить подобный эффект настойки, которая должна была на несколько часов перекрашивать ткань, одежду, нужно было сделать абсолютно всё неправильно. Получив разрешение ректора, парня расколдовывать не стали, он должен был понять, где допустил ошибку, и её исправить.

Значит, с алхимией у него было хуже, чем у меня. Потому что полгода спустя я могла любоваться его ярко-зелёной макушкой. Как я раньше не обращала на него внимания? Что-то настолько зелёное было тяжело не заметить, впрочем, я редко смотрела по сторонам и уж тем более не присматривалась к своим однокурсникам. А вот брови у него были светлые, и его бледная кожа была усыпана такими же бледными веснушками. Их было очень много, но, если не присмотреться, в глаза они не бросались.

– Не забудьте обсудить проект с напарником, – объявила Барбара, – а теперь свободны. Отпущу вас сегодня пораньше, чтобы вы могли поговорить о лабораторной работе.

Я тяжело вздохнула и повернулась к этому Урсу. Ладно, как бы туго у меня ни было с другими предметами, в алхимии я не самая худшая на всём курсе. Поэтому, может быть, он не рассчитывал на славу моей матери, а просто понимал, что с его-то волосами работать с ним не захочет никто. Кроме меня, разумеется, потому что работать в паре со мной —

тоже не подарок Богини.

– Ну и что мы с тобой будем делать? – я постаралась, чтобы на моём лице отобразился весь спектр эмоций, который я тогда испытывала.

Урс улыбнулся ещё шире, и я не смогла не обратить внимание на то, что у него были ямочки на обеих щеках. Ладно, по крайней мере, на него было очень приятно смотреть, и смеяться он не станет, потому что, если судить по его всё ещё заколдованным волосам, если я в алхимии восемь, то он целых десять. То есть по шкале Империи «плохо» и «передача».

– Надеюсь, мы подружмся, напарница, – улыбаясь, сказал Урс.

Меня насторожил его оптимизм. А уж счастье, которое он испытывал от перспективы выполнять лабораторную в паре со мной, и вовсе настораживало. Но озвучить свои опасения я не успела.

– А-а-а! А-а-а-а! – донёсся истошный крик из коридора.

Глава 2: Тело номер два

Я понимала, что бежать туда, откуда кричали, — идея так себе. А вот бежать туда, где кричали сразу все, а не оставаться вдвоём в пустой аудитории, — было намного более благоразумно. По крайней мере, если кричали все, значит, они что-то нашли. Или кого-то. Но их много, а нас двое — в толпе безопаснее. В прошлый раз парня нашли одного... *Кто-то*пока не рисковал нападать сразу на нескольких студентов. Если, конечно, сегодня кричали не по другому поводу и «оно» снова произошло.

Я переглянулась с Урсом, и мы спешно вышли из аудитории, не забывая оглядываться по сторонам. Прислушиваться было особенно не к чему: все остальные студенты нашего курса гудели. Барбара тоже была здесь, должно быть, выйдя из аудитории, она свернула направо, где была учительская, а вся наша группа пошла налево: там была и столовая, и переход в жилой корпус, и библиотека, в общем, направо была только учительская и несколько аудиторий, куда никому из наших сейчас не было нужно.

Услышав крики, Барбара на удивление прытко прибежала назад. Она была дамой пышных форм и в свои почти сорок выглядела просто великолепно. Я иногда завидовала тому, как у неё получалось укладывать свои кудрявые светлые волосы в такие сложные причёски. Я могла заплести косичку

или несколько косичек, которые на моих волосах длиной до лопаток смотрелись по-детски глупо.

Под стать своему образу, Барбара всегда носила каблук. Другие девчонки восхищались, как она в них ходила, а я не понимала, как она в них бегала. Тем не менее Барбара к нам прибежала, она решительно расталкивала толпу студентов, и я успела увидеть, что в первых рядах склонились над чем-то на полу.

Значит, скорее всего, над кем-то.

Не то чтобы я была настолько откровенно бесчувственной тварью, но паническая атака у меня случилась на прошлой неделе, когда нашли первое тело. Не знаю, сколько я кричала, сжав зубы, спрятавшись под кроватью у себя в комнате. Ночью после этого мне снились кошмары, а поутру отпустило. Во мне будто был какой-то рычаг, который можно было просто перещёлкнуть, и ситуация перестала пугать меня вообще.

Оказывается, теперь он вообще не отщёлкивался обратно, потому что я осталась стоять и безразлично смотреть, как толпа, скорее всего, толпилась вокруг второго бездыханного тела ещё одного студента академии Мерсхафен.

Я так и не увидела, кто это был, но уверена, что это был не кто-то из наших. Мы все были в аудитории вместе с Барбарой, и он бы не стал нападать на целую группу студентов, пускай и худшей академии магии. Просто нападать на толпу из тридцати шести человек, не считая меня и Урса, было

глупостью. Нас много, и мы все бездари, но такой толпой его бы можно было банально запинать ногами.

Особенно Агнес бы пинала. Наша красotka всего курса умудрилась подшить верёвочки в свою форменную юбку, чтобы, когда её не видит преподаватель, она превращала её в мини-юбку, демонстрируя всем свои длиннющие худые ноги. Она ещё и каблуки носила, будто ей нужно было казаться выше! Вот мне, например, каблуки бы не помешали. Мы, северяне, были высокого роста, но у меня каким-то образом получилось не вырасти до той самой отметки, которой достигали все в моей семье: я была на ладонь ниже моей матери. Что, в целом, значило, что я была примерно одного роста с моими однокурсниками из центральных земель Империи, но оскорбляла своё северное наследие, потому что не была удивительно высокой. Иногда Агнес напоминала мне куклу: она с Юго-Востока, у неё типичная для тех краёв внешность. Светлые волосы, бледная кожа — согласно легенде, людей того края Богиня слепила из снега и белого песка. До бледности южан магам с Юго-Востока всё же далековато, но на фоне, например, меня или Надьи Агнес смотрелась блее пергамента.

Так вот, каблуки каблуками, но у худшей академии магии была ко всему прочему худшая форма. Она состояла из длинной неоднозначно-коричневой юбки, любой светлой рубашки, на выбор студента, и непонятного цвета жилетки. Скорее всего, это был тёмный оттенок бежевого, но на гру-

ди встречались какие-то голубые вставки, у которых не было чётких очертаний, а на левую сторону жилета пришивали герб академии. Он был под стать самой худшей академии. То, что это лось, — я узнала лишь через несколько месяцев обучения и долго сочувствовала тому, как животное потрепало и вывернуло. Если это лось, то у него как минимум были переломаны все конечности, потому что иначе принять такую позу животное бы не смогло.

Урс взял меня за руку и потащил прочь. Я не то чтобы хотела посмотреть на труп, только убедиться, что он там был, и это не кто-то с нашего курса просто потерял сознание. Я успела увидеть на полу чью-то руку с повязанным на запястье голубым платком. Значит, первокурсница. Сердце неприятно сжалось от жалости, но прошлая невозмутимость быстро вернулась. Будто я ничего не видела и толпа в коридоре образовалась по какой-то другой причине.

По идее, платки на запястье тоже были частью формы. По ним можно было определить курс: у первого — бледно-голубой, у второго — более тёмный оттенок, и так далее, а самый последний курс должен был носить тёмно-синие платки. Но, во-первых, они мешались, и если первый курс старался не нарушать правил, то второй понимал, что многие преподаватели вообще не замечали отсутствия платка, например, Барбара. Тогда, когда они варили что-то на паре, край платка мог попасть в склянку, котёл или задеть какой-то ингредиент. В общем, к третьему курсу их не носил абсолютно ни-

кто. А последний надевал в свои последние дни обучения, чтобы как-то отметить это событие.

Я, может, и не собиралась смотреть на труп, но совершенно не поняла, почему Урс пытался меня настойчиво оттуда увезти. Мне не понравилось, что он взял меня за руку, поэтому я попыталась её вырвать, но у меня получилось не сразу.

Толпа осталась за нашими спинами, кто-то кричал, кажется, это Агнес рыдала, ожидая, что все мальчишки бросятся её успокаивать. Уж больно театрально она это делала, чтобы поверить, что её настолько растрогала смерть какой-то первокурсницы. Кто-то начал расходиться, кто-то побежал за ректором и другими преподавателями, я слышала, как на них прикрикнула Барбара.

Я хмуро посмотрела на Урса, как бы пытаюсь донести до него, что я не любила, когда меня трогали. Без спроса или с разрешения, я совсем не любила, когда меня трогали. То ли до него не дошло, то ли он просто тупой — Урс добродушно улыбался. Мне осталось только закатить глаза и сделать вид, что его выходка меня совсем не задела.

Я не хотела сближаться ни с кем из своих одноклассников. Просто не видела в том смысла. Моя провалившаяся дружба с Надьей доказала, что сколько бы ты ни знал человека, он всё равно от меня отвернётся. Мы познакомились ещё в детстве, но не дружили, потому что встречались редко. Её семья тоже с севера, мы пересекались несколько раз в год в столице нашего края, куда нас привозили родители. Но

мы всегда старались встретиться, пообщаться, поиграть... ко второму курсу Надья стала меня сторониться, потому что с неудачниками дружили только неудачники.

Я не была самой худшей на курсе, всего лишь *средихудших*. Да, у меня были плохие отметки, по большинству предметов эти самые невезучие восьмёрки. В Мерсхафене была точно такая же система оценок, как во всей Империи. Единица — высший балл, а десятка — полный провал, самая худшая отметка. Так вот, у меня были восьмёрки, девятки, даже гордая семёрка по алхимии. Но я была дочерью своей звёздной матери, поэтому к неудачникам меня причислили сразу, когда не оправдались их надежды на то, что мой дар проснётся позже, что у меня будут какие-то невероятные силы. Я бы по-прежнему была неудачницей, если бы была умнее, училась, например, на четвёрки, просто потому, что в сравнении с моей матерью любые обыденные вещи, нормальные вещи, которые я могла бы сделать, — выглядели плохими. В сравнении с моей матерью всё, что я могла сделать, было недостаточным. Поэтому я особенно не старалась, но, к удивлению, потерять Надью подобным образом было больно.

Больше ни с кем дружить мне не хотелось.

Мы ушли в аудиторию для занятий. Там обычно собирались, когда хотели делать домашку вместе. Может, Урс смутился, или мне показалось, но следующие пару часов он держал ту дистанцию, которую мне хотелось. Мы обсуждали только предстоящую лабораторную работу, то, что будем де-

лать, когда, где, как, пока что без деталей, мы просто обрисовывали картинку: что-как-так, когда раздобудем тот или иной ингредиент.

— Важен порядок, в котором ты добавляешь ингредиенты, — сказал я.

Это многие знают, но иногда забывают, что также важен и возраст каждого ингредиента. Не всегда стоит добавлять в одну чашу засушенные цветы, собранные в прошлом году, и такие же сухие листья, которые, однако, ты раздобыл в прошлом месяце, — они будут конфликтовать между собой.

Урс деловито кивал, и у меня закрались сомнения, что в алхимии он десяточка. Ощущалось как настоящие одиннадцать, или даже двенадцать, потому что я озвучивала простые истины, которым нас научила Барбара ещё на первом курсе, а он воодушевлённо кивал, будто я рассказывала ему что-то невероятное, чему обучали, например, на четвёртом курсе, а я знала это уже на третьем.

В общем, неожиданно для себя я получила бесполезного, но послушного напарника. Я ведь пару раз просила Барбару, чтобы она позволила мне сделать лабораторную в одиночку, но она всегда отказывалась. По какой-то иронии Богини моим напарником стал парень, который вообще ничего не понимал в алхимии. Я должна была быть счастлива, что он хотя бы отличал чашу от чашки и котёл от обычной кухонной кастрюли. Потому что он не понимал, что нам нужно делать, но был готов выполнять всё, что я ему скажу.

Правда, как я быстро поняла чуть позже, ему нужно было давать очень чёткие инструкции. Иди в такую-то аудиторию, возьми оттуда второй предмет слева, он будет стоять на верхней полке. Называть, какой конкретно котёл тебе нужен, даже если маркировка на каждом котле была выгравирована на его боку, — было тухлым занятием. Он не разбирался даже в такой пустяковине.

А пока мне оставалось радоваться, что Урс кивал на всё, что я ни скажу, и внимательно меня слушал.

Нам объявили, что погибла первокурсница, только на ужине, когда все студенты академии собрались вместе. Ректором худшей академии магии во всей Империи был пожилой Герман Клостерштауб. Он был магом довольно средним. Поговаривали, его сместили с поста ректора одной из столичных академий сугубо из-за возраста: если у каждого мага дар проявлялся между семнадцатью и двадцатью годами, то после шестидесяти, иногда после семидесяти, дары довольно стремительно угасали. Слабые исчезали быстрее, оставляя мага только со своими возможностями. Наш ректор был средним, не выдающимся, и в свои шестьдесят два сохранил лишь остатки дара, который у него был.

Правда, моя мать упомянула это всё, но не назвала, какой конкретно дар был у ректора. Я тогда не стала спрашивать,

мне это показалось неважно. Последний полноценный разговор с матерью у нас состоялся два с половиной года назад. Я только собиралась уезжать в академию Мерсхафен. Она пыталась убедить меня, что не стыдилась того, где будет учиться её дочь. Ложь, конечно же. После первого курса я домой не поехала, мне не хотелось её видеть. Так что я покинула остров, на котором располагалась академия, вместе с другими студентами, но если их встречали, то я пошла пешком. Ловила попутку, прикидывалась одной из тех девчонок, которые убегали из дома лет в семнадцать, чтобы посмотреть мир, перед тем как просыпался их дар и начиналась взрослая жизнь.

После второго курса я попросила Берта меня встретить. Матери дома не было, бабушка рассказала, что наша звёздная родственница перестала приезжать из столицы даже на пару дней на семейные праздники. Я не могла сказать, что в нашей семье были тёплые отношения, но мы старались вести себя прилично и хотя бы уважать главный праздник, считаемый на севере. Хотя бы Берт и бабушка были рады меня увидеть.

Так вот, возвращаясь к ректору, откровенным неудачником он не был. Всего лишь человеком в возрасте, в котором дары теряли многие. Он был седой, испещрённый морщинами, за третий год, что я училась в академии, ректор Клостерштауб обзавёлся тростью и теперь постоянно ходил с ней, тяжело на неё опираясь. И ещё у него борода была покороче,

когда я только поступила, а сейчас она больше напоминала потрёпанную жизнью старую тряпку, которая уже доставала ему до середины груди.

– Дорогие мои студенты, – громко объявил он, его голос усилил специальный артефакт, который он держал. – Возможно, вы уже слышали...

Я уставилась в свою тарелку и старалась его не слушать. Когда я зашла, то глянула на наш стол, здесь был весь курс, или почти весь, но зелёную макушку Урса я не заметила. Мне было интересно, как я умудрилась не замечать его несколько лет, или хотя бы последние несколько месяцев, когда он стал настолько зелёным. Закрадывались подозрения, что он был тем самым парнем, который вечно пропускал занятия, и его искали преподаватели, а после он постоянно извинялся, что болел. Простуду можно было легко вылечить подходящим зельем, а от ангины ему бы предложили приложить артефакт, который бы сразу вылечил горло. В общем, сложно было представить, чем нужно болеть, чтобы его сразу не подняли на ноги тем или иным способом. Если это и правда был он, тогда некоторые вещи вставали на свои места. Он не производил настолько глупого впечатления, чтобы не знать что-то из материалов первого курса. Но если он пропускал все занятия, то, скорее всего, он просто никогда не слышал эти материалы первого курса.

Ректор уже был на середине своей речи, он назвал имя этой несчастной первокурсницы, посочувствовал её друзьям

и семье, сказал что-то ещё, в общем, его монотонный голос и то, как он говорил о смерти девочки, вызывали у меня отвращение. Я старалась не слушать, смотрела в свою тарелку и продолжала есть, хотя каждый последующий кусок будто бы застревал в горле хуже предыдущего.

– Извините, пропустите, – шёпотом раздалось рядом со мной.

Я удивлённо посмотрела: вплотную ко мне никто не сидел, но стол был рассчитан ровно на тридцать восемь человек нашего курса, поэтому между мной и соседним человеком образовалось такое странное место на полчеловека.

Я не заметила, когда дверь приоткрылась и в зал кто-то зашёл, но чтобы подобраться к нашему столу, который так удачно был вторым с краю, и не попасться на глаза Барбаре, которая сидела по другую сторону стола, ему нужно было обязательно ползти на четвереньках. Так что сейчас это чучело Урс Хаферштилль поднялся с колен, подвинул моего почти соседа и втиснулся на лавку сбоку от меня.

Сам стол был артефактным, поэтому он поспешил накрыть ещё одну порцию, стоило Урсу сесть. Решил меня преследовать? Я очень надеялась, что ошибалась, и он просто выбрал самое удобное место, чтобы Барбара не заметила, насколько он опоздал. Опаздывать на пары было чревато наказанием и дополнительным домашним заданием или какими-то обязательными работами на территории академии: отмывать котлы после зельеварения, расставлять ингредиенты

в кабинете алхимии, прочая чепуха. А вот за опоздание на завтрак, обед или ужин официального наказания не было, но наставники курса могли за подобное отчитать. Наша Барбара, любившая строгость и порядок больше всего, особенно отличалась своими едкими комментариями. От неё доставалось не только нашему курсу, она отчитывала даже не своих студентов, если замечала, что они хоть куда-то опаздывали.

Свободное место за нашим столом было, но как раз по ту сторону, где бы его увидела Барбара, а рядом со мной он смог незаметно втиснуться. Так что, может быть, дело было вовсе не во мне, а в простом расчёте. Меня это немного успокоило.

Я не рискнула ничего сказать, пока ректор держал свою речь, только хмуро посмотрела на Урса, а он широко улыбнулся, сверкнув ямочками на обеих щеках.

Ректор как раз продолжил рассказом (в очередной раз) об истории академии Мерсхафен. Будто мы сами не знали! Несмотря на название, гавань или бухта моря, здесь давно не случалось ничего выдающегося. И моря второй век как не было. Когда-то один знатный ещё королевский вельможа, до объявления Империи, а это случилось 91 год назад, сейчас шёл 91-й год календаря, облюбовал этот отдалённый восточный остров в океане. Остров был на самом краю карты, по другую сторону от него ничего не было — открытый океан, который простирался на невообразимое расстояние. Никто до сих пор не знал, где конкретно он врезался в скалы. Это были недели пути на корабле, первые экипажи не вернулись,

дальнейшие исследования проводили с помощью магии и артефактов. В общем, самая восточная точка континентальной части Империи располагалась в целом дне пути по воде по одну сторону от острова, а по вторую сторону было неопределённое «ничего», где никто не жил, не считая рыб и прочих морских обитателей. С одной стороны остров омывало море, с другой — океан. Я видела картины, раньше здесь было очень красиво, когда вода разных оттенков смешивалась.

Несколько столетий спустя семья этого вельможи чем-то провинилась, остров забрали в пользу короны, а их казнили. Какое-то время замок пустовал, а потом Король Не-помню-Какой повелел организовать там академию магии, предварительно восстановив все помещения.

Три века назад академия Мерсхафен не была худшей. Но, как со временем окружавшее остров море мельчало, отступало и всячески превращалось в вонючее болото, так и слава академии меркла. Океан по другую сторону острова тоже заметно обмелел, да и рыбы здесь больше не водилось.

Болото было непредсказуемым, через топи нельзя было проехать или пройти пешком, и мы жили здесь, как в заключении. В начале года студентов и преподавателей завозили на специальном артефакте, который присылали из столицы. Что-то вроде корабля. В него вложились ещё и алхимики, чтобы вырастить у него ножки, и он наподобие сороконожки пробирался через болото. Потом, когда учебный год заканчивался, его вызывали снова, и он забирал студентов и пре-

подавателей с острова.

Академия Мерсхафен была единственной, которую можно было по-настоящему назвать пансионатом. Обычные студенты, поступившие в столичные академии, могли продолжать жить дома и просто ходить на занятия. Неместным предоставлялось общежитие, но они могли свободно выходить в город, гулять, поехать куда-то на выходные.

Только студенты худшей академии магии по сути становились её пленниками. Поэтому, когда на прошлой неделе я наткнулась на тело парня посреди коридора, а я посреди ночи пошла в туалет, я сначала подумала, что он просто потерял сознание. Сейчас как раз был сезон, когда болото вокруг острова цвело, на окнах академии были артефакты, которые должны были запах удерживать, но тогда нельзя было их открывать, и внутри становилось слишком душно. Другие, наоборот, открывали окна, наслаждались прохладой, но терпели ужасный запах. Так что у него было как минимум две причины, почему он мог потерять сознание.

Да, это я его нашла.

Парень не дышал, я закричала, а потом, видимо, побежала звать на помощь, но дальше я ничего не помнила. Более-мнее пришла в себя, когда поняла, что закрылась в собственной комнате, спряталась под кровать, прижав ноги к груди, и сжала губы до крови, чтобы не кричать в полный голос, чтобы меня не услышали, чтобы меня не нашли.

В общем, тогда ректор ничего не сделал. И сейчас он тра-

гично рассказывал нам, что смерть этой девушки была очень похожа на первую, на её теле не нашли отметин – всего лишь несчастный случай. В академии была медсестра, но не было опытного врача, который бы точно сказал, например, что она переволновалась и у неё отказало сердце. Но на ней не было даже синяков, будто она боролась с кем-то.

Ректор, пускай с определённым участием, монотонно рассказывал. Урс обеспокоенно посмотрел в мою сторону.

– Посовещавшись с преподавателями, мы решили, что не видим поводов для беспокойства, – продолжал ректор, а я стиснула зубы, чтобы не закричать. – Так как мы не можем установить, из-за чего произошли эти смерти, то мы решили связаться со столицей.

Ладно, подобного я не ожидала. Я была уверена, что ректор опасается ещё более дурной славы для нашей академии, но, видимо, ради этого он не был готов рискнуть и умолчать о произошедшем полностью, списав всё на остановку сердца, какую-нибудь смертельную болезнь, как я была уверена до этого.

– Правда, я не могу вам обещать, что помощь прибудет сразу или что в столице должным образомотреагируют, – продолжал ректор Клостерштауб.

Я вообще удивлена, что он решил хоть что-то предпринять, так что на меня вдруг нахлынуло внезапное уважение к нашему ректору, которое, даже если из столицы никого не пришлют, всё равно останется.

– Правда, если кое-кто их не убил, – донёсся до меня высокомерный шёпоток.

Мия Бранд и её закадычная подружка Лина Линденвельд, вырви бы им кто-нибудь их волосы! Им с запада Империи до острова дальше всех добираться, зачем только поступали, если только и делают, что суют свои носы куда не нужно да болтают обо всех за спинами!? Мия была светло-русой, её короткую стрижку выщипать проще, чем густые волосы Лины.

Я могла огрызнуться, но какой был в том прок? Я выдохнула. Эти мерзавки не стоили замечания от Барбары, которое мне светило, если бы я начала с ними ругаться посреди ужина.

– Она ведь была в аудитории вместе с нами на этот раз, – возразила Агнес.

Я не ожидала, что красотка нашего курса встанет на мою сторону, и да, они разговаривали обо мне. Кто-то посчитал подозрительным, что первого парня нашла именно я, и хотя откровенных обвинений я так и не услышала, определённый шёпот за моей спиной появился.

У меня не было повода, честно. Первого студента я не знала и специально забыла его имя, так было проще. Версия главной сплетницы звучала так: я была настолько глупой неудачницей, что вместо домашнего задания по зельеварению получила яд и благодаря своей постоянной неуклюжести разлила его на парня, когда столкнулась с ним ночью.

Что никак не подтверждалось, потому что на прошлой неделе ректор точно так же длинно и пафосно рассказывал, что на парне не нашли царапин, синяков, никаких следов магии, следов воздействия артефактов или пятен, которые бы обязательно остались от любого зелья.

Я не выдержала и резко встала, ректор как раз так удачно только что закончил говорить, а значит, я не получу нагоняй от Барбары, если уйду с ужина. Судя по всему, Урс решил, что теперь он будет ходить за мной по пятам. В отличие от меня, я, пускай через силу, но доела кашу, Урс едва успел притронуться к своей порции.

Тем не менее он встал следом за мной, хмуро посмотрел на нашу главную сплетницу, и мы вместе вышли.

Когда за нами закрылась дверь, я обернулась и сказала:

– Ты теперь везде за мной ходить будешь?

– Нет, – он развёл руками, – я просто не хочу слушать, как они нагло врут.

Я прищурилась и окинула его ещё более скептическим взглядом.

– Я знаю, что это была не ты, – очень убедительно сказал Урс.

– Какая поразительная уверенность! – воскликнула я.

Конечно, я сама должна была быть уверена, что никого не убивала, но... Во время определённых приступов паники у меня получалось потерять рассудок. Обычно посреди ночи. Когда мне удавалось крепко уснуть. За последнюю неделю

этот кошмар приснился мне несколько раз. В моём воображении это я убивала парня, и меня обязательно обнаруживала наша главная сплетница, Мия. Её подружка Лина постоянно смеялась на фоне этих кошмаров, в общем, меня поражала уверенность, с которой Урс это утверждал, потому что иногда я сама начинала верить, что они правы.

— Я тебя видел той ночью, — невозмутимо сказал он. — Ректор в прошлый раз рассказывал, что однокурсники видели его на ужине, а потом в полвторого ночи ты нашла его тело. Но я видел, что после ужина ты пошла в учебную, а когда выходила, столкнулась со мной в коридоре, я тоже шёл в свою комнату.

Ладно, зря я успела насторожиться, что он следил за мной ещё до того, как нас объявили напарниками. Только после. Он следил за мной всего лишь день, ничего страшного. Было в том что-то намного более жуткое, если бы он преследовал меня раньше. Теперь он ходил за мной, потому что нам нужно было работать вместе. Всего лишь.

Ладно, он просто предельно странно выразил свою мысль, но из его рассказа становилось понятно, что он не следил за моими перемещениями весь тот день, увидел часть и всё. Почему тогда был уверен, что я больше ничего не сделала? Например, ушла в комнату, вышла обратно? Или, может, я не дошла, а свернула куда-нибудь, ведь он ушёл в мужское крыло, а значит, не мог видеть, куда конкретно я ушла.

Ладно, он за мной не следил, этого знания мне хватало.

Если честно, я не думала, куда конкретно иду, когда вышла из центрального зала. Наверное, было достаточно поздно, чтобы просто пойти в свою комнату, спать не хотелось, но и настроения бродить по академии в одиночку абсолютно не было. Мне стоило поблагодарить Урса, он молчал и шёл за мной, не задавая лишних вопросов. Теперь нас было хотя бы двое, конечно, никаких доказательств, что таинственный убийца, если он и правда существовал, не нападёт на двоих студентов, у нас не было. Но его первая жертва была одна, вторая одна, значит, вдвоём с Урсом у нас как минимум было больше шансов его спугнуть или заранее заметить. Больше глаз, больше шансов. Я напряжённо всматривалась в темноту, прислушивалась и не спешила поворачивать, сначала не заглянув в угол. Он — прикрывал мою спину, стал живым щитом. Так я чувствовала себя немного увереннее. По крайней мере, до жилого корпуса мы не побежали, а, озираясь по сторонам, будто запуганные мыши, всё-таки дошли пешком.

– Спасибо, – сказала я и надеялась, что мне не придётся пояснять, почему я это сказала.

Урс улыбался, а потом протянул мне руку, будто предполагал, что я должна стукнуть своим кулаком по его, как делают друзья, а я никогда не обращала на него внимания и до сегодняшнего дня даже не знала его имени.

Хотя откуда ему это знать?

– Спокойной ночи, напарница, – сказал он.

Это прозвучало настолько искренне, и я робко ответила

на его жест. Непривычно. Я видела, что подобным образом вели себя другие друзья, но у меня самой никогда не было настолько близких друзей. Было непривычно, странно, но беспечная счастливая улыбка Урса была слишком заразительной, чтобы не ответить.

Через женское крыло до конца коридора я прошла намного быстрее. Здесь не было поворотов, из-за которых на меня можно было напасть, но по обе стороны шли двери. Все были на ужине, или, по крайней мере, там были все девушки моего курса, но это означало только то, что соседняя с моей комнатой дверь не могла внезапно открыться. Я была уверена, что на меня никто не нападёт из соседних комнат. В остальном? Подобной уверенности у меня не было, поэтому хотелось поскорее убраться в безопасность.

Оказавшись за дверью, я облегчённо выдохнула и рухнула на пол, прижавшись спиной к двери. Пришлось заставить себя пошарить рукой за спиной: комната не была безопасной, если не запереть дверь за собой.

Я кое-как поднялась на ноги, не снимая туфель, и прямо в форме забралась на кровать, уткнулась лицом в подушку. Хотелось выть, рыдать, у меня, может, и получилось обмануть саму себя днём, сделать вид, что я была в порядке, но, оставшись наедине с самой собой, эмоции, которые я подавила в себе днём, захлестнули с новой силой.

Сначала паника, страх, ужас от того, что все мы были заперты на этом дурацком острове, откуда нас никто не спа-

сёт, где кто-то один за другим убьёт всех студентов... Потом пришло более рациональное: мол, мне нужно быть осторожнее, не ходить одной, что было сложным, учитывая, что однокурсники меня не любили. За ней пришла мысль, что удобно было бы подружиться с Урсом или хотя бы не отталкивать его, если он хотел везде ходить за мной по пятам. Мне необязательно было ему доверять, погодите, а если убийцей был он?

– Ну...

Я не могла представить, чтобы этот улыбающийся парень с веснушками и ямочками на щеках мог кому-то навредить. Как бы он кого-то ударил, убил? А если он настолько был уверен, что это не я их убила, только потому, что убийцей был он сам?

Конечно, эти хаотичные мысли напоминали настоящую панику и не имели логики. Мне стоило успокоиться. Я тяжело дышала, дёрнула одеяло и накрылась им с головой. Было немного лучше, на этот раз я даже не забралась под кровать, где не убиралась с первого курса, так что там было безумно пыльно и валялись всякие мелкие вещи, которые я когда-то потеряла, уронила, а искать не стала. Но мне нужно было успокоиться, это удавалось с трудом.

Вдох. Выдох.

Вдох.

Выдох...

Я в последний момент заткнула рот рукой и не закричала.

В окно постучали.

Сначала я отреагировала на звук, а потом поняла, что стучались с той стороны. Не то чтобы сам факт, что стучали снаружи, а не изнутри комнаты, делал событие менее страшным. Кто-то стучался в окно моей комнаты, но хотя бы он ещё не был внутри.

То был тоненький стук, я скинула одеяло и резко села, схватила со стола то, что попало под руку, очень надеясь, что это будет мой доделанный артефакт, и ещё больше надеясь, что он работает. Артефакты преподавал новенький преподаватель Максимилиан Лоренц фон Шаттенберг, его буквально в этом году к нам перевели. По его предмету у меня была неуверенная семёрка.

Как предполагали два имени и приставка перед фамилией, Максимилиан был дворянского происхождения, из наследных, его отец был министром, дед был министром, и даже старший брат, которому было всего лишь тридцать два года, уже занимал пост в правительстве Императора. Насколько я знала, Максимилиану было тридцать или около того, и в нашу академию его сослали за какую-то громкую историю, из-за которой о нём сплетничала вся столица. То ли он соблазнил чью-то дочь, то ли чью-то жену, то ли обоих сразу. Никаким преподавателем он не был, от него просто хотели избавиться, сослав куда подальше (откуда сбежать сам он бы не смог, да и кутить на острове было негде).

Раньше по артефактам я получала девятку или натянутую

восьмёрку, чтобы хоть как-то закрыть предмет. Но теперь Максимилиану, если ты, конечно, девочка, достаточно было красивее уложить волосы и улыбаться. Он с первого дня настаивал, чтобы мы звали его просто «Матц», но никто не решился. К непотомственному дворянину, может быть, так обращался очень близкий друг, но с его-то семейством? Никто. Даже его жене бы было не положено.

Но вернёмся к артефакту в моих руках. Конечно, при моей бедной неуверенной семёрке шанс, что моя домашняя работа рабочая, — был. Небольшой, правда. В любом случае, эта штука тяжёлая, ей можно было ударить кого-нибудь по голове. Или кинуть в лицо. Всё это промелькнуло в моих мыслях с такой скоростью, что я не успела остановиться ни на одной из них.

– Птичка? – удивлённо выдохнула я.

Академия не была окружена деревьями, но близко именно к той половине женского крыла, куда выходили мои окна, была полоска разросшихся деревьев и колючих кустов. В других комнатах ветки едва ли не упирались в стекло, по крайней мере, во время недавнего шторма красавице Агнес веткой выбило окно. Слышала я это только потому, что она картинно страдала, пока мальчики спорили, у кого она останется ночевать, раз в её комнате повсюду острые осколки, а ко всему прочему сильно дуло. То, что снаружи было примерно так же тепло, как и внутри, никто из них в тот момент не думал. Ну, кто-то из других наших девочек уже успел сбе-

гать за Барбарой, так что Агнес ту ночь ночевала у преподавательницы, этажом выше, а поутру окно ей быстро починили при помощи, кажется, подходящего артефакта.

Может, поэтому Агнес и поспорила сегодня со сплетницами Мией и Линой. Эти двое ей всегда завидовали, и, скорее всего, Барбаре донесли именно они. По крайней мере, я видела, что эти двое куда-то бегали. Иначе бы ночевала наша красotka в окружении мальчиков, которые готовы были охранять её всю ночь. Так что повод для вражды у Агнес был.

Конкретно до моего окна ветки деревьев не доставали, они лишь значительно закрывали вид наружу. Зато я могла рассматривать иногда залетавших сюда маленьких птичек. Эта почему-то оказалась не робкой, а перелетела на мой подоконник и прямо на моих глазах второй раз аккуратно постучала в стекло.

Птичка была *зелёной*. Я не понимала, почему именно это меня так смутило, но, с другой стороны, я ничего не понимала в живности острова, поэтому мало ли, какими бывали эти маленькие птички. Она была точно такой же формы и размера, как те, которых я встречала раньше. Эти маленькие птички, которые могли бы поместиться на ладонку, обычно имели ярко-красное, бордовое или приглушённо-оранжевое оперение. Они очень красиво пели. Учитывая, что встречались птицы с ярко-красными перьями, то я не видела причины, почему у этого же вида не могло быть ярко-зелёных перьев.

Я приоткрыла окно и выглянула наружу.

– Привет, – сказала я. – Ты ведь тоже любишь семечки, как и остальные?

Птичка осталась сидеть на месте, что я восприняла как согласие. Тыквенные семечки очень любили на севере, нигде, кроме моей родной части Империи, их нельзя было купить, поэтому, раз уж этим летом я была дома, то прихватила с собой достаточно. Красным птичкам хватало буквально пары семечек, чтобы насытиться, такие они были маленькие. Эта зелёная, значит, тоже станет их есть. Штуки две или три.

Пока я шарилась по ящикам стола, потому что у меня вечно царил бардак, и бесполезно было запоминать, куда я что положила, потому что оно таинственным образом каждый раз оказывалось в другом ящике, птичка запела. Паника, захлестнувшая меня несколько минут назад, постепенно утихла. Я не смогла полностью забыть о произошедшем сегодня, но мне удалось немного отвлечься.

Почему я была уверена, что птичка поняла, что я спросила? Это было очередное моё невезение. Дар у меня проснулся ещё до поступления в академию, но когда моя мать узнала, она, впрочем, как и вся моя семья, пришла в ужас. Мой дар был абсолютно бесполезен.

Несмотря на то, что каждый житель Империи был магом, как таковой магии в каждом из нас не было. Нас учили варить зелья, которые носили определённые качества, создавать артефакты, которые выполняли определённые дей-

ствия, преобразовывать предметы, менять характеристики, последним мы занимались на алхимии. Но все занятия в академии учили создавать *инструменты*, непосредственно в каждом из нас, как в сказке, магии не было. Нельзя было взмахнуть рукой и пожелать, чтобы подул ветер или загорелась свеча, каким бы маленьким желанием это ни было. Можно было создать небольшой артефакт, который ты бы зажал в кулаке, махнул рукой и притворился, что вот она — магия. Но ни у одного мага магии как таковой не было.

В семнадцать-восемнадцать лет в каждом из нас пробуждался дар. Подарок Богини, их раньше звали подарками, а сейчас всё больше просто «даром». И каждой Богиня могла подарить совершенно любую силу. Всего одно качество. Моя бабушка, например, могла голыми руками дробить камень, потому что он слушался её и по её просьбе превращался в глину. Моя тётка могла расщеплять скалы в песок, не целиком за раз, и у неё уходило много сил, но в любом случае это было впечатляюще. Мой двоюродный брат чувствовал камень, он различал различные породы, которые не видел, или мог понять, сколько осталось копать, или как лучше высечь ту или иную скульптуру, чтобы особенно дорогой гранит не разбился в руках мастера.

Любой мог заметить, что внутри семьи существовала определённая закономерность. У нас, в целом на севере, родине самых крупных и впечатляющих гор Империи, многие имели дар, так или иначе относившийся к камню. Но моя

мать? Она могла *двигать горы*. Я совершенно не преувеличивала. Когда строили Великий Имперский тоннель в западные провинции, моя мать на глазах Императора и изумлённой толпы одной рукой пробила отверстие в скале, которую ни один век считали непреодолимой. Раньше дорога проходила в обход, путь в западные провинции занимал больше времени, чем если бы дорога шла напрямик.

Вот одной рукой, пробив эту дыру, второй рукой моя мать вытащила камни. Если до этого одни судачили, что баронесса получила титул за то, что через постель заслужила расположение пожилого Императора, а другие приписывали ей роман, наоборот, с кронпринцем, то в тот день многие убедились, что моей матери стоило бояться. У неё был невероятный дар, и она искусно умела им пользоваться.

После неё, возможно, пришлось немного подшлифовать стены, вымостить дорогу, но всё это было настолько мелкими деталями, и все видели, как легко она справилась с несколькими тоннами камня, что все были в восхищении. Её звали звездой Империи, как по названию титула, который ей даровал Император. «Звёздная». Фредерика Эрццлаг, фон Штернгебитер.

Мой дар не был связан с камнем. Его нельзя было использовать в работе, с помощью него даже сложно было бы показывать фокусы. Я умела разговаривать с животными. Нет, даже не так, я умела говорить так, чтобы животные меня понимали. Пожалуй, если бы я в обратную сторону умела пони-

мать то, что говорили животные, то моим даром можно было бы хоть кого-то удивить. От него была бы хоть какая-нибудь польза, но нет, родившись в несчастливое восьмое число, мне продолжало не везти абсолютно во всём.

Меня понимали животные, причём любые: птицы, кошки, собаки, как я узнала неделю назад, медведи. Откуда медведь только взялся на нашем острове! Мне было страшно представить, что бедолага пробрался с большой земли через болото. На нём было полно всякой ягоды, но всё равно жалко мишку, там слишком ненадёжная трясина.

Так вот, птичка меня понимала, а её трели для меня были лишь приятной музыкой, а не песней, слова которой я могла слышать и знать.

Ну, на то он и был подарок от Богини, что его нельзя было выбрать, от него нельзя было отказаться, он слабел с возрастом, но только где-то после шестидесяти.

Наконец-то найдя в беспорядке нужный мне мешочек, я вытащила несколько крупных семечек и протянула их птичке. Она довольно склевала одну и продолжила петь. На душе становилось спокойнее.

– Спасибо, – выдохнула я.

Птичка не могла улыбнуться, у неё не было рта, а был всего лишь клюв, но у меня осталось подобное впечатление.

Я ушла спать, сначала закрыв окно: побоялась оставить его открытым. Конечно, мы даже не были уверены, что в академии орудовал таинственный убийца. И в комнаты к сту-

дентам он тоже не залезал через окна, но я решила быть предельно осторожной. Птичка ещё долго сидела на подоконнике, я больше не слышала её песню, но переложила подушку в ноги кровати, чтобы я могла смотреть на окно.

Я уснула, и перед глазами так и стояло маленькое яркое зелёное пятнышко.

Kap

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.